

УДК 392.5

ББК 63.5 (2Рос=Калм)

**БРАК УМЫКАНИЕМ У КАЛМЫКОВ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА***В. В. Батыров*

Брак умыканием, или заключение брака через похищение невесты, является одной из наиболее древних форм брака у народов Центральной Азии. В свадебной обрядности калмыков XIX в. можно выделить два способа заключения брака: через умыкание невесты и традиционным способом (со сватовством и последующим проведением свадьбы). Исследователь семьи и брака у калмыков Д. Д. Шалхаков отмечал, что вплоть до 20-х годов XX в. у калмыков встречались формы заключения брака, которые не требовали сватовства и свадьбы [Шалхаков 1982: 32].

Мотивом похищения часто был отказ родителей невесты выдавать дочь за сватающегося. Так, Н. А. Нефедьев писал: «...в бытность мою в улусе Харахусовском один бедный калмык, влюбленный в девушку, сосватанную уже за другого, богатого жениха, вечером, накануне того дня, в который надлежало быть свадьбе, похитил ее, когда она вблизи своей кибитки занималась собиранием аргасуна, и скрылся» [Нефедьев 1834: 120].

В исторической литературе принято считать, что основной и самой веской причиной умыкания в дореволюционный период было стремление избежать значительных материальных расходов, связанных со сватовством и свадьбой [Эрдниев 1985; Шалхаков 1982; Батмаев 2008; Шараева 2011]. Эти фиктивные похищения невест, происходившие с негласного, обоюдного согласия родителей, были, главным образом, характерны для бедных, малоимущих калмыков. Так, в 1816 г. Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко отмечал имевшее место фиктивное похищение невест в начале XIX в. Он связывал это с тем, что «при всяком бракосочетании встречаются однако большие затруднения. Гелюнги должны сообразить день рождения обоих и назначить день брака, коих очень редко в году бывает». По мнению автора этнографических заметок, во многом именно эта причина явля-

лась причиной широкого распространения воровского бракосочетания, которое было в «большом употреблении между ими (т. е. калмыками — В. Б.)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119–119об.].

В калмыцком обществе крайне осторожно подходили к такому рубежному событию, как свадьба, в том числе из-за существовавших представлений о несоответствии будущих супругов друг другу — *харш* (несовместимость). Жених и невеста должны были подходить друг другу, в случае же несоответствия *харш*, как считалось, в семье должны были происходить различные несчастия, болезни, раздоры и прочее, вплоть до смерти одного из супругов [Душан 1976: 48]. Дата свадебной церемонии полностью зависела от буддийских астрологов-зурхачи, которые и должны были определять окончательно время проведения свадьбы, а также соответствие или несоответствие жениха и невесты. Определение даты не только занимало большое количество времени, но и требовало больших материальных трат на подарки астрологам от обеих семей.

Я. К. Ваценко дал подробное описание обряда «воровского бракосочетания», который заключался в том, что «жених, получив согласие отца невесты, посылает одно или два корыта вареного мяса, баранины, говядины или лошади, и несколько простого вина; потом приезжает с несколькими провожатыми к невесте, и посидя у нее малое время уезжает; а невеста, спустя несколько времени, едет верхом же с провожатыми к мужу — чем и кончится» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119–119об.].

Между тем, архивные документы показывают, что в первой половине XIX в. (возможно и ранее) брак умыканием имел не только экономические причины, причем в этих случаях похищение невесты обычно проводилось без согласия девушки и ее родителей. Распространенность брака умыканием привела к тому, что частые жалобы и обращения населения Калмыцкой степи

стали причиной для разбирательства российской администрации. Так, 24 мая 1839 г. исполняющий должность помощника попечителя Малодербетовского улуса И. Черкасов подал запрос в Ламайское духовное правление¹ по поводу случаев, когда в невесты берутся девушки против воли родителей и их самих [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22]. В запросе И. Черкасов отмечал, что «между калмыцким народом существует иногда обычай при совершении супружества брать невесту против согласия родителей и родственников и даже самой невесты набегом, а потому встречается недоумение, допускается ли таковой обычай религиозными обрядами». Особо помощника попечителя интересовал вопрос о том, «не подлежат ли уголовному суждению таковые учинившие, хотя бы завладение невестой не сопровождается боем или буйством» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–1об.].

В своем запросе И. Черкасов счел обязанностью добавить, что, по его мнению, «весьма полезно бы было уничтожить как этот ... необоснованный вредный обычай, оставшийся в калмыцком народе с древних времен от грубости и необразованности тогда <...> калмыков, так равно и другой подобный сему». Вредность, по мнению помощника попечителя, проистекала от того, что «от них происходят оскорбление родителей тех и родственников тех увозимых девиц и ссылаемых безвинно женщин нарушения» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 2об.]. А более всего И. Черкасов желал запретить «самовольную безпричинную ссылку от себя (жены. — В. Б.) ... прежде предоставления законных ... причин к тому в ламайское духовное правление и до получения на то разрешения от правления, как это бывает в народах прочих» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 2об.].

Так, писал помощник попечителя², «увоз самовольно понравившейся девушки, имение ее некоторое время женою и после, может, была безвинная ссылка, порожденная каким-нибудь новым порочным желанием обладать другою». В данном случае И. Черкасов поднимал весьма значимый вопрос о непрочности и слабости брачных отношений, совершенных при по-

мощи умыкания невесты и не имевших законной силы в глазах общества. Помимо прочего, подобные браки часто порождали длительные конфликты между калмыками. Как писал И. Черкасов, похищение невесты «оскорбляет родителей обесчещенной женщины, <...> (принуждает. — В. Б.) ее самое к чему-нибудь к неприличному». Но самым худшим явлением помощник попечителя считал то, что такие браки «вдвое развращают нравственность молодых калмыков» и приводят к ослаблению «религии и законов гражданских». Здесь И. Черкасов высказал мнение, что умыкание невесты могло быть вызвано лишь сиюминутным влечением молодого человека. И этот факт, несомненно, влиял на дальнейшие перспективы семьи, созданной на такой непрочной основе, а также на общее ослабление устоев традиционного общества. Завершая рассмотрение всех последствий брака умыканием, И. Черкасов упоминал и немалые материальные потери, потому что последующие неурядицы, происходившие в калмыцком обществе (в виде судебных разбирательств), в итоге приводили к разорению «и претендателя и ответчика» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 3].

В итоге Ламайское духовное правление, рассматривая обращение помощника попечителя, определило: «что если бы как <...> увезена девушка, без согласия родителей и ее самой да еще и сговоренной за кого-либо, как это иногда бывает между калмыками, то увезший ее калмык хотя бы и <...> должен подлежать за это суду». Таким образом, была введена ответственность за умыкание невесты без согласия обеих сторон, подлежащая судебному разбирательству [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 3].

Ранее, в 1816 г., об этом же сообщал Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко: «супружество их (т. е. калмыков. — В. Б.) непрочное: как только муж осердится на жену, прогоняет ее, а потом берет другую» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119]. На основании подобного свидетельства можно сделать вывод, что имелась материальная выгода от экономии в затратах на свадебные обряды, но, вместе с тем, брак умыканием не считался в обществе достаточно легитимным. Только «полноценная» свадьба, проведенная в соответствии с традициями, легитимизировала брак в калмыцкой родовой общности. В традиционной семейной обрядности у калмыков должен был быть совершен целый цикл обрядов, которые оформляли

¹ Ламайское духовное правление (1836–1848 гг.) — выборный орган управления буддийским духовенством у калмыков.

² К тому времени И. Черкасов стал помощником попечителя.

окончательное включение невесты в семью жениха, когда она наделялась статусом супруги. Понятно, что полный цикл обрядов при браке умыканием не проводился.

Похищение могло происходить и по другим причинам. Так, в 1839 г. опекун Харасусовского улуса зайсанг Зодбо Дамбилев похитил Манку — дочь зайсангши Эркетеневского улуса вдовы Джоодже Мацаковой. 27 января 1839 г. в присутствии членов Совета Астраханского калмыцкого управления, губернского прокурора и члена Ламайского духовного правления Цюрюм Дензена произошло разбирательство, в ходе которого выяснилось, что дочь покойного Эркетеневского зайсанга Манджи Мацакова Манка не была похищена насильственно, а была увезена якобы по добровольному согласию матери [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.]. Также выяснилось, что Манка Мацакова была увезена по решению правителей Эркетеневского улуса (зайсангов Уту-Насуна и Неке), которые предложили Зодбо Дамбилеву взамен прежней его невесты, выданной за малодербербетовского владельца Менко Очира Тундутова, на выбор трех зайсангских дочерей. Зодбо Дамбилев выбрал себе дочь Джоодже, которой сообщили о принятом решении правители Эркетеневского улуса [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 15].

Зодбо Дамбилев провел свадебные мероприятия по «калмыцкому обряду», совершенные гелюном по имени Кирип Мухараев [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 22об.]. Примечательно то, что никаких положенных подарков дочери Джоодже Мацаковой зайсанг не делал потому, что уже сделал их предыдущей своей невесте, впоследствии отданной замуж за М. О. Тундутова. Более того, Манка Мацакова до этого была сосватана за малодербербетовского зайсанга Балтыка Бороманджиева, который в период сватовства преподнес в качестве подарков ее семье две лошади и деньги (400 руб.) [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 13].

Вмешательство правителей Эркетеневского улуса в вопросы брака подведомственного им населения, грубый произвол по отношению как к вдове Джоодже Мацаковой, так и к невесте З. Дамбилева в конечном итоге привели к конфликту и обвинению зайсанга в похищении, о котором свидетельствовало следующее: отсутствие свадебных подарков со стороны жениха, статус засватанной за другим у М. Мацаковой, отсутствие согласия на брак матери невесты и самой невесты.

Таким образом, анализ позволяет выделить две разновидности брака умыканием: первая — насильственное похищение девушки, вторая — похищение с ее согласия и с ведома родителей. На основании изучения целого ряда архивных свидетельств можно сделать вывод: распространенность брака умыканием привела к учащению жалоб и обращений населения Калмыцкой степи, которые стали причиной для разбирательства российской администрации. Это привело к тому, что в 1839 г. Ламайское духовное правление признало у калмыков похищение невесты против ее желания и желания ее родителей преступлением.

Распространение брака умыканием в XIX в., по мнению специалистов, имело экономическую подоплеку — «стремление избежать значительных материальных расходов, связанных со сватовством и свадьбой» [Шалхаков 1982: 33]. Однако, по нашему мнению, недостаточная «законность», или, вернее, недостаточное соответствие нормам оформления традиционной свадебной обрядности при браке умыканием в глазах современников стали причиной того, что такие браки могли быть непрочными и недолговечными. В калмыцкой историографии на эту особенность брака умыканием не обращали внимания, акцентируя экономическую выгодность подобной формы брака.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 161, Ф. 42. Оп. 1. Д. 20, 22.

Литература

Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 256 с.
Душан У. Д. Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX — начале XX вв. // Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 3–54.

Sources

[The National Archive of the Republic of Kalmykia]. Fund 1. Invent. 1. Case 161; Fund 42. Invent. 1. Case 20, 22. (In Russ.)

References

Batmaev M. M. [Family and Marriage in the Traditions of the Kalmyks]. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)
Dushan U. D. [Customs, Rites and Traditions of Kalmyks in late XIX – early XX cent.]. In: [Ethnographic Collection]. Iss. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 3–54. (In Russ.)

Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 314 с.

Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – начало XXI вв.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 224 с.

Эрдниева У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.

Erdniev U. E. [Kalmyks Historical and Ethnographic Sketches]. 3rd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)

Nefediev N. A. [Detailed Information about the Volga Kalmyks, Collected at the Place by N. Nefediev]. St. Petersburg: Print. shop of K. Kray, 1834. 314 p. (In Russ.)

Shalkhakov D. D. [Family and Marriage among Kalmyks (XIX – early XX cent.). Historical-ethnographic Research]. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. 86 p. (In Russ.)

Sharaeva T. I. [Rites of Life Cycle of Kalmyks (XIX – early XXI cent.). Elista: Dzhangar, 2011. 224 p. (In Russ.)